

АЛФЕРОВА Е.В.¹, СКУРКО Е.В.² РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НОРМАТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ: МЕЖДУНАРОДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ / под ред. А. Корнилакис, Г. Ноускалис, В. Пергантис, Ф. Цимас.

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. Book review: Artificial Intelligence and Normative Challenges: International and Comparative Legal Perspectives / ed. A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, T. Tzimas – Cham: Springer, 2023. – 274 p.

Ключевые слова: правовое регулирование ИИ; правосубъектность ИИ; юридическая ответственность; интеллектуальная собственность; права человека; международное гуманитарное право.

Keywords: legal regulation of AI; legal personhood of AI; legal responsibility; intellectual property; human rights; international humanitarian law.

Для цитирования: Алферова Е.В., Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 128–138. – Рец. на кн.: Artificial Intelligence and Normative Challenges: International and Comparative Legal Perspectives / ed. A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, T. Tzimas – Cham: Springer, 2023. – 274 p. = Искусственный интеллект и нормативные вызовы: международная и сравнительно-правовая перспек-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

тивы / под ред. А. Корнилакис, Г. Ноускалис, В. Пергантис, Ф. Цимас.
DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.10

Данная монография под редакцией Ангелоса Корнилакиса, Георгиоса Ноускалиса, Василиса Пергантиса и Фемистоклиса Цимаса, исследователей из Аристотелевского университета Салоников (Греция), «Искусственный интеллект и нормативные вызовы: международная и сравнительно-правовая перспективы», издана в рамках серии «Право, управление и технологии».

Как указывают в вводной части ее редакторы, искусственный интеллект (далее – ИИ) вызывает сегодня как большие опасения, так и большие надежды. Фактическое и потенциальное влияние ИИ на все сферы человеческой жизни всё время расширяется, затрагивая практически все ее направления – как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Начиная от использования мобильных телефонов и социальных сетей – до «автономного оружия», от оцифровки знаний и информации до патентоспособных инноваций в области ИИ – возникают неожиданные до недавнего времени философские, онтологические, политические и юридические вопросы.

При этом, несмотря на значительные достижения ИИ, внутри него специалисты усматривают «парадигматический беспорядок». Этот «хаос» вызван, в том числе, отсутствием консенсуса в отношении сущностной природы или формальной основы ИИ, надлежащей теоретической и правовой базы, обосновывающей его использование. Тот факт, что изначальная цель создателей ИИ есть попытка воспроизвести человеческий интеллект, привела к двойственному отношению к ИИ, как машине, способной выполнять задачи, которые осуществляет человек, воспроизводить различные характеристики человеческого интеллекта, такие как сознание, самосознание, использование языка, способность к обучению, способность абстрагироваться и адаптироваться, способность рассуждать (р. 2).

Примечательно то, что авторы пытаются классифицировать ИИ на «слабые» и «сильные» модели, еще находящиеся на стадиях разработки. *Слабый ИИ*, называемый также искусственным узким интеллектом (Artificial Narrow Intelligence – ANI), – существующая форма ИИ. Хотя, по ряду показателей, он может превышать некоторые возможности человеческого интеллекта, а также проявлять

значительный уровень автономии, но демонстрировать это только в заранее определенной узкой области знаний. *Сильный ИИ* (Artificial Strong Intelligence) подразделяется на искусственный общий интеллект (Artificial General Intelligence – AGI) и искусственный супер-интеллект (Artificial Super Intelligence – ASI).

Искусственный общий интеллект (AGI), с точки зрения авторов, может показывать интеллектуальные способности, равные умственным возможностям человека; в будущем он способен адаптироваться к новым условиям, которые не были прямо предусмотрены разработчиками его программного обеспечения, выполнять множество функций.

В свою очередь, искусственный супер-интеллект подразумевает уровень интеллекта, превосходящий человеческий. Признается, что ASI в реальности может значительно превзойти умственные возможности человека.

Другой потенциальный сценарий: супер-интеллект станет «коллективным разумом» (collective intelligence). В настоящее время первые отдельные его проявления уже можно наблюдать, например, в коллективных научных исследованиях, в различных социальных сетях, в деятельности политических партий и движений и т.д. Как полагают авторы, ASI, теоретически, смог бы работать как некий «единый разум» и, в этом смысле, обладать качествами, отличными от умственных способностей отдельного человека (р. 3–4).

Наконец, в будущем, предполагается объединить ИИ с интеллектом человека, т.е. на Земле возникнет новый «биологический» вид, отличный, но не вполне чуждый человеческому существованию (р. 2).

Описывая текущее развитие ИИ, авторы сосредотачивают внимание на преимуществах, которые он влечет. Так, ИИ делает более предсказуемыми последствия ухудшения состояния окружающей среды или здоровья человека; оптимизирует выполнение различных видов деятельности, например, в сфере правосудия – сокращает судебные затраты и продолжительность судебных разбирательств; в сфере услуг – учитывает индивидуальные предпочтения; в медицине – точнее диагностировать различные заболевания и тем самым предотвращать их развитие; в сельском хозяйстве – повышает производительность; в правоохранительной сфере – по-

вышает безопасность человека благодаря новым системам борьбы с преступностью, например, способствует оперативному выявлению террористической пропаганды в Интернете или оповещению о запрещенных веществах, скрытых в продуктах; в транспортной сфере – способствует средствам передвижения стать более безопасными и экологичными; в области охраны окружающей среды, помимо своих прогностических преимуществ, ИИ может помочь в достижении целей устойчивого развития, поставленных ООН и др.

Искусственный интеллект обладает рядом уникальных функций: может писать музыку, статьи, принимать участие в военных действиях, решать математические теоремы, распознавать лица, водить машину, индивидуально подбирать товары или продукты и заказывать их, управлять индивидуальными активами, оценивать людей не только профессионально, но и юридически, координировать работу производств и заводов, проводить медицинские или политические исследования, – а в перспективе, не исключено – либо значительно укрепить возможности человечества либо подчинить его себе.

Следует согласиться с авторами в том, что ИИ как объект и субъект сложной научно-технологической эволюции порождает неопределенность в различных областях права и требует на законодательном уровне не только урегулировать складывающиеся отношения в этой области, но и предвидеть потенциальные изменения, с тем чтобы создать упреждающую нормативную базу. Это – актуальный вопрос и для международного права, в силу «безграничной» природы искусственного интеллекта (*borderless nature of AI*) и его использования в транснациональном контексте, и национального права.

Современное международное право и внутригосударственное законодательство, как показывает данное исследование, призвано сыграть важную роль в регулировании использования ИИ – как на основе действующих норм и институтов, так и путем формирования новых концепций, принципов и правил, гибких и «плюралистичных» нормативных форм.

Как отмечают авторы, первая попытка нормативного ответа на вызовы ИИ – это законодательные инициативы Еврокомиссии 2021 г. – Закон ЕС об искусственном интеллекте (*The Artificial Intel-*

ligence Act (AI Act)¹. Закон вводит три категории систем искусственного интеллекта: запрещенные; высокого риска; низкого риска. В отношении каждой из категорий предполагаются различные нормативные требования, связанные с контролем со стороны человека, прозрачностью, оценкой соответствия основным правам человека; обязательность регистрации в публичных реестрах – для систем ИИ высокого риска, и разработка этических кодексов – для систем ИИ низкого риска.

В 2022 г. в Евросоюзе была разработана еще одна законодательная инициатива – Директива об ответственности ИИ (AI Liability Directive). Директива снимает бремя доказывания с истца в делах о дискриминационном обращении и причинении вреда, а также вводит опровержимую презумпцию наличия причинно-следственной связи вины ответчика и результатов работы системы ИИ. Кроме того, разработана нормативная база, предусматривающая строгую юридическую ответственность за деятельность, связанную с ИИ высокого риска. Эти правотворческие инициативы в ЕС представляют собой попытку адаптировать существующее законодательство к использованию систем искусственного интеллекта.

Заслуживает внимания цель данной монографии – изучить влияние искусственного интеллекта на различные области человеческой деятельности и, что важно – правовую реакцию на ИИ, включая вопросы правосубъектности ИИ; вины и юридической ответственности ИИ; вызовов, которые ИИ ставит перед режимами правовой охраны интеллектуальной собственности; влияния ИИ на права человека, а также воздействия ИИ на *jus ad bellum* и *jus in bello*.

Книга состоит из шести частей, разбитых на 13 глав.

¹ Закон принят Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобрен Советом ЕС 21 мая 2024 г. Он устанавливает общую нормативную правовую базу для использования ИИ в рамках Европейского союза (предложен Еврокомиссией). Согласно этому Закону создается Европейский совет по искусственному интеллекту для содействия национальному сотрудничеству и обеспечения соблюдения Закона. Как и в Общих правилах защиты данных, Закон может применяться экстерриториально провайдерами и за пределами ЕС, если у них есть пользователи внутри ЕС.

В первой части феномен ИИ исследуется с исторической и теоретико-правовой точек зрения. В центре внимания – проблема правового признания ИИ и наделения систем ИИ статусом юридического лица в различных контекстах и с учетом уникальных онтологических характеристик различных систем ИИ. Авторы признают, что правовые системы – национальные и международные в первую очередь ориентированы на человека или на государство, а правовое положение систем ИИ в рамках существующего законодательства обусловлено соответствующими приоритетами (человека или государства). Поэтому попытки наделения ИИ правосубъектностью пока сталкиваются с серьезными проблемами.

Тем не менее в монографии обсуждаются вопросы о том, какие условия должны лежать в основе признания правосубъектности ИИ, а также каковы могут быть подходы в этом вопросе в перспективе – при создании искусственного общего интеллекта (AGI) или искусственного суперинтеллекта (ASI): насколько для развития правового регулирования в отношении этих систем ИИ может потребоваться отличный подход, по сравнению с существующими системами ИИ. Кроме того, каковы должны быть пространственные и временные рамки для правосубъектности ИИ, какие ограничения вытекают из различий частного / гражданского и уголовного права, а также особенностей международного права при решении проблемы юридического признания «интеллектуальных машин» (р. 27).

Вторая часть монографии посвящена вопросам гражданской ответственности в связи с функционированием ИИ. Внимание привлекают следующие обсуждаемые авторами вопросы: ответственности «автономных машин» при заключении договоров (р. 65), факторов риска, связанных с ИИ, которые необходимо учитывать на стадии законодательного регулирования при определении (условий) гражданской ответственности.

Как замечают исследователи, институт ответственности в частном праве развивается сегодня под влиянием использования систем ИИ в различных гражданско-правовых отношениях. Однако остаются нерешенными многие вопросы, связанные с использованием ИИ: может ли ИИ быть привлечен к прямой гражданской ответственности и какие проблемы возникают в обязательственном и деликтном праве в отношении этого вида ответственности

при использовании ИИ? Следует ли признавать противоправным поведение разработчиков программного обеспечения, производителей, пользователей или тех, кто передает данные в компьютерные системы, не соблюдая принцип конфиденциальности? Как «слияние» человека и ИИ может повлиять на форму гражданской ответственности? и др.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что в отношении систем ИИ в гражданском праве необходимо применять подход к управлению рисками, в рамках которого различные технологии ИИ будут подпадать под различные режимы юридической ответственности (р. 85).

В третьей части монографии исследуются проблемы уголовной и международно-правовой ответственности в связи с функционированием систем ИИ. Здесь интерес представляет концепция уголовной ответственности в условиях развития систем ИИ с учетом различных уровней их автономии. Авторы формулируют и ищут ответы на следующие актуальные вопросы: как можно разграничить ответственность человека и ИИ? Как изменяется субъективный элемент ответственности (анимус) в контексте ИИ? Изменяются ли причинно-следственные связи в случае применения ИИ? Как ИИ влияет на судопроизводство и правосудие? Приемлемо ли самостоятельное принятие решений автономными системами ИИ в отношении уголовной ответственности и вынесения приговора на основе надлежащего отправления правосудия и соблюдения процессуальных прав сторон судебного разбирательства?

Заслуживает одобрения позиция авторов, подчеркивающих необходимость сбалансированного диалога разработчиков и исследователей на стыке технологических новшеств и уголовного правосудия (р. 125).

Еще один важный аспект привлекает внимание в этой книге: исследование устойчивости норм международного права об ответственности государств по отношению к практике использования автономных программных агентов (Autonomous Software Agents – ASA), обладающих отдельной «правосубъектностью», для выполнения функций кибербезопасности. Поскольку такие агенты обладают способностью реагировать и принимать самостоятельные решения в своей среде без прямого контроля со стороны человека в режиме реального времени, авторы предлагают признать за ними

определенную форму правового статуса, чтобы переложить ответственность за их действия с человека на сами АСА, поскольку они способны учиться, адаптироваться и действовать в сложных условиях непредсказуемыми путями. По мнению авторов, такая эволюция в правовом регулировании должна быть согласована с международными нормами об ответственности государств (р. 109).

В четвертой части монографии анализируются вопросы интеллектуальной собственности в случае использования автономного ИИ. Как правило, ИИ включает как непосредственное программирование машин – с использованием определенного человеком программного кода, так и машинное обучение, при котором система ИИ самостоятельно подбирает ответ на основании разработки собственного «программного продукта». Разработка собственного «программного продукта», т.е. в процессе машинного обучения, создает проблемы, касающиеся формы правовой охраны интеллектуальной собственности и ее отнесения к той или иной системе ИИ.

Патентная охрана – наиболее подходящий способ защиты ИИ и его программных приложений, в том числе в рамках современной Европейской патентной системы (р. 147). В связи с этим представляется интересным описание патентной охраны, например, в Евросоюзе, США и Японии, где сложились различные подходы к ИИ, и это разнообразие уже влияет на существующие отношения к правовой охране систем ИИ в патентных системах различных государств и регионах мира. В связи с этим авторы задаются вопросом: как адаптировать действующее патентное право к автономному ИИ, в особенности к ИИ с более высоким уровнем интеллекта? Можно ли здесь провести аналогии с патентованием в других областях, например, в фармацевтике? Должны ли быть установлены ограничения для патентования материалов, способствующих развитию технологий ИИ, либо результатов работы ИИ, т.е. «изобретений», сделанных ИИ непосредственно? На эти и другие вопросы авторы пытаются дать ответы, отмечая при этом, что сегодня в основном сохраняется возможность «отследить» «изобретения» ИИ как восходящие к определенному человеку, который работает с соответствующей системой ИИ (р. 171).

Взаимосвязь между ИИ и правами человека рассматривается в части пятой монографии. Авторы видят в данном вопросе два аспекта. С одной стороны, продолжается дискуссия о том, может

ли ИИ быть «носителем» прав человека, – что неразрывно связано как с признанием за ИИ правосубъектности, так и с определенной концептуализацией «прав человека» применительно к ИИ. Так, если в современных правовых системах будет преодолена ориентация только на человека, для ИИ может быть предусмотрено, например, «право на существование» или «право на выживание» (a right of existence or of survival). С другой стороны, тема рисков, которые несет использование ИИ для современных прав человека, становится всё более актуальной в дискуссиях об ИИ. В целом, понятия и система прав человека могут быть как средством, способствующим развитию ИИ, в том числе, если ИИ используется для их укрепления и защиты, так и препятствием, ограничивающим применение ИИ, в том числе на его эволюцию в направлении «общего» или «супер-» интеллекта (AGI или ASI) (р. 193).

Вместе с тем для современной практики использования в ней ИИ не менее важным вопросом является наличие возможности перенесения реально существующих в обществе дискриминационных предубеждений через алгоритмические инструменты в системы ИИ, которые затем могут их воспроизводить. Сегодня этот аспект проблематики становится предметом широкого обсуждения и проработки в том числе в рамках правозащитных и международных организаций (р. 215).

Завершающая часть исследования, шестая, посвящена изучению последствий использования ИИ в международном гуманитарном праве и праве применения силы. Системы вооружения с использованием ИИ (AI Weapons Systems – AIWS) стали применяться в конфликтах, происходящих в местах, где отсутствует определенный территориальный суверенитет, таких как киберпространство или космическое пространство. Более того, AIWS могут использоваться в качестве ответных мер либо для противодействия аналогичному оружию, что может привести как к утверждению о вооруженном нападении со стороны того или иного государства, так и к действиям по самообороне. Использование AIWS на практике еще больше стирает грань между применением силы и операциями так называемой «низкой интенсивности». В результате такие системы вооружения могут представлять угрозу для системы коллективной безопасности и запрета на применение силы, в особенности учитывая, что AIWS могут действовать автономно (р. 237).

Авторы признают крайне тревожными случаи использования AIWS в отношении международного гуманитарного права (МГП). Искусственный интеллект здесь бросает вызов основным принципам МГП, таким как гуманность / гуманное обращение, необходимость, соразмерность или принятие мер предосторожности. С одной стороны, операции с использованием AIWS, как утверждается, более «точечны», что позволяют избегать человеческих жертв. Такие системы действуют без эмоциональной нагрузки, которая влияет на принятие решений людьми, и, таким образом, могут делать более «рациональный выбор», обеспечивающий лучшее соблюдение норм МГП. С другой стороны, данные, поступающие в такие системы, могут оказаться недостаточными для операций, в которых обе стороны используют AIWS. Вместе с тем использование ИИ в подобных ситуациях подрывает возможность контроля со стороны человека, а также предсказуемость и прозрачность как основной принцип применения ИИ, – поскольку, как замечают авторы, процесс машинного обучения сегодня абсолютно непрозрачен и не поддается объяснению (р. 255).

Следует подчеркнуть, что различные поколения AIWS – от беспилотных машин, принимающих кинетические решения, до полностью автономного оружия, способного выбирать и атаковать цели без участия человека, требуют соответствующей адаптации к нормам МГП и создают совершенно разные вызовы для МГП вообще. Хотя AIWS – в теории – могут сократить масштабы уничтожения и, следовательно, не могут рассматриваться как по своей сути незаконные – например, в соответствии с Договором по открытому космосу или МГП, окончательные решения, касающиеся их применения, должны приниматься исключительно человеком (р. 275). И с этой позицией авторов трудно не согласиться.

Таким образом, можно констатировать, что данная монография затрагивает множество актуальных вопросов, касающихся систем ИИ и нормативных вызовов, которые он несет. Работа может быть полезна как юристам-практикам и ученым-правоведам, так и инженерам – разработчикам систем ИИ и другим специалистам. Книга будет интересна всем, кого тревожит неконтролируемое развитие и внедрение систем ИИ в повседневной жизни и современном мире в целом.